

ЧЕЛОВЕК, ЕГО СПОСОБНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

И.А. БЕЛЯЕВ

**Оренбургский
государственный
университет**

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Статья посвящена рассмотрению целостного человеческого существа и присущих ему способностей и потребностей в социально-личностном измерении. Автор излагает свои представления о личности как той ипостаси, в которой человек реализуется в обществе, об общем характере претерпеваемых им социальных влияний, о связи особенностей его целостности с присущими ему способностями и потребностями.

Ключевые слова: человек, целостность, способности, потребности, общество, личность, социальная мимикрия, социально-личностное измерение.

Начну с изложения ранее опубликованных положений¹, являющихся точкой отсчёта применительно к содержанию настоящей статьи.

Во-первых, человек есть существо целостное, в каждый момент своего индивидуального существования обнаруживающее себя как нечто относительно завершённое. Возникающая с возникновением его самого, целостность человека находится в состоянии непрерывного становления и никогда не бывает ставшей. Свою целостность человек обретает в процессе осуществления себя в целостном Мире, самоутверждения в нём в природной, социальной и духовной сферах своего осуществления за счёт применения собственных сущностных сил.

Во-вторых, сущностные силы человека формируются и реализуются в ходе его взаимодействия с доступными фрагментами Мира. Будучи системно организованными, находящимися в отношениях дополнительности и взаимопредставленности, обладая очевидной самостоятельностью и столь же несомненными качественными различиями, природные, социальные и духовные сущностные силы человека интегрируются в его способностях и потребностях.

В-третьих, способности и потребности есть системные свойства целостного человеческого существа. Если способности обеспечивают утверждение человека в Мире путём реализации его природных, социальных и духовных сил, то потребности, являющиеся субъективным выражением всего объективно необходимого человеческому существу, представляют собой внешние и внутренние детерминанты его активности.

Далее считаю нужным обратить внимание на то, что человек, его способности и потребности могут эвристически ценно рассматриваться в трёх измерениях: природно-органическом, социально-личностном и духовно-душевном. Социально-личностное измерение, попытка воплотить в жизнь исследовательский потенциал которого предпринимается в данном случае, применимо в связи с включённостью всякого полноценного человека в систему взаимосвязей с подобными ему существами; с его деятельностью, обеспечивающей в основном энергетический обмен с окружающей средой; с его ролевым взаимодействием с социальным окружением; адаптацией к социальным реалиям путём выбора наиболее выгодных форм мироотношения.

Перейду к актуализации потенциала данного измерения к постижению специфики целостного человеческого существа и того комплекса способностей и потребностей, которыми он обладает.

Прежде всего следует заметить, что природное существо, с биологической точки зрения квалифицируемое как *H. s. Sapiens*, не может стать человеком и быть им, то есть последовательно осуществлять себя как специфическую целостность, а свои способности как подлинно человеческие, если с рождения не приобщается к исходно социальному, объединяющему людей процессу взаимудовлетворения потребностей. Наряду с этим нельзя не указать и на тот факт, что человеческое существо вполне способно удовлетворять свои

¹ См.: Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 2 (96), февраль. — С. 24-30.; Беляев И.А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 1 (95), январь. — С. 9-13.; Беляев И.А. Становление способностей в контексте человеческой целостности // Вестник Оренбургского государственного университета. — 1999. — № 3. — С. 24-28.

потребности без учёта интересов своего социального окружения и даже в ущерб ему. Да и может ли быть иначе, если антиномичность представляет собой атрибут существования человека, а сохранение целостности человеческого естества в онтогенезе неизбежно сочетается с развёртыванием отношения взаимопроникновения индивида с разнородными и разнообразными жизненными реалиями?

«Обладать – это значит почти неизбежно быть обладаемым» – пишет Г. Марсель². С этим нельзя не согласиться. Однако есть смысл придать более общий характер высказанному французским философом суждению и заявить, что, скорее всего любому социально обозначенному проявлению определённого отношения человека непременно сопутствует проявление встречного отношения элементов его внешнего окружения. Наличие совокупности такого рода отношений является непременным условием человеческого существования. Специфика содержания этих отношений и мера согласованности между ними выступают важными индикаторами общего жизненного благополучия человека и его конкретно-ситуативной состоятельности. Так, индивид, склонный «казаться» кем-либо, обретает искомое и ощущает себя наиболее комфортно в рамках социально-ролевой игры, доминирующие участники которой будут похожими на него по характеру мотивационно-смыслового содержания индивидуального мироотношения. Если человек сумеет проявить склонность действительно «быть» кем-то более совершенным в сравнении с тем, кем он являлся прежде, если он окажется способным трансцендировать за пределы наличного существования, то ему раскроются ранее недоступные горизонты бытия, возникнет его сопричастность новым жизненным реалиям, что станет предпосылкой и условием его утверждения в изменённом онтическом статусе. Что же касается склонности к обладанию, то есть к тому, чтобы каким-либо образом получать и «иметь» нечто притягательное, то проявляющему её индивиду нередко свойственны общая или частичная незрелость и даже утрата некоторых надприродных – социально-личностных и/или духовно-душевных – составляющих комплекса его способностей и потребностей.

В социальной сфере, обобщающей собой всю совокупность многообразных отношений, складывающихся между людьми, индивид выступает как личность, являющаяся ни чем иным, как комплексом, более или менее слаженным «ансамблем» тех социальных ролей, которые он, в соответствии с законами, присущими обществу, осваивает и с той или иной мерой успешности разыгрывает на протяжении всей своей жизни.

Многие специалисты-обществоведы, прежде всего отечественные, не всегда, быть может, в должной мере осознающие сомнительность собственных идейно-теоретических позиций, в своих трудах весьма активно обсуждают бесспорно имеющие место позитивные стороны существования человека как личности, вполне определённо обходя молчанием негативные стороны этого процесса, фактически навязывая читателю мнение о включённости индивида в становящуюся систему межчеловеческих связей как о едва ли не идиллии. Полагаю, что данное обстоятельство позволяет заявить о тенденции к почти безграничной идеализации, а то и сакрализации реалий социального существования индивида, издавна складывающейся в обществоведческом знании. Лишь некоторые авторы теоретических и литературно-художественных произведений активно противостоят этой тенденции, проявляя в противовес ей свою склонность к взвешенной позиции, более соответствующей реальному положению вещей. Так, великий знаток социальных реалий М.Е. Салтыков-Щедрин утверждает следующее: «Во всяком благоустроенном обществе по штатам полагаются: воры, неисправные арендаторы, доносчики, издатели «Помой», прелюбодеи, кровосмесители, лицемеры, клеветники, грабители. А прочее всё – утопия»³. Ну, а если вовлечённость индивида во взаимодействие с носителями подобных социальных ролей выступает как непременное условие его социального существования, то вряд ли стоит умалчивать о том, что хотя бы некоторые из воспринимаемых им воздействий непременно будут нести зло, иметь объективно разрушительный характер.

Впрочем, не стоит обольщаться, полагая, что зло вокруг себя распространяют только те индивиды, личностные характеристики которых не соответствуют социально сакрализованным канонам показной благопристойности. Всякий акт социального осуществления индивида чреват множеством разнообразных и разномасштабных проявлений зла. Личность, «очищенная» от организма и души, есть «человек-предмет», лишённое

² Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь. – Новочеркасск : Агентство САГУНА, 1994. – С. 9-131.

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 10 т. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – Т. VIII. – С. 270.

самости существо, во всякий момент своей жизни полностью тождественное с совокупностью исполняемых социальных ролей.

Глубокое знание специфики человекообразной действительности дало К. Обуховскому основание для заявления о том, что «нормальные люди, рассудительные и мудрые в частной жизни, действуя в рамках спроектированных для них социальных ролей, отказываются от собственных взглядов. Их совесть чиста, поскольку они расплывают свою ответственность на всех, действуя “во имя”, не чувствуют ответственности перед самими собой за последствия своих решений. Кроме того, их решения выполняют другие “люди-предметы”, лишённые чувства вины, поскольку выполняют “то, что необходимо” независимо от своих взглядов. Они убивают, даже когда не хотят убивать, поскольку являются солдатами, обманывают, хотя любят правду, потому что являются политиками. По этому же принципу они отравляют землю, заслоняют солнце и уничтожают жизнь. Их чувства, даже “частные” взгляды на последствия их действий ничего для них не значат. Они действуют, выполняя предписания своей общественной роли, как машина, выполняющая то, для чего она спроектирована. Чувствуя, что они “в игре”, люди-предметы концентрируются на возможно более точном выполнении роли “здесь и сейчас”, а не на критическом анализе целей и последствий своих действий»⁴.

Э.В. Ильенков полагает, что «действительная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче, – всеобщий результат, всеобщий эффект»⁵. Но может ли неангажированный исследователь не признать некоего индивида личностью на том основании, что его действия и поступки социально малозначимы?

«Масштаб личности человека, – пишет этот автор далее, – измеряется только масштабом тех реальных задач, в ходе решения которых она и возникает, и оформляется в своей определённости, и разворачивается в делах, волнующих и интересующих не только собственную персону, а и многих других людей. Чем шире круг этих людей, тем значительнее личность, а чем значительнее личность, тем больше у неё друзей и врагов, тем меньше равнодушных, для которых само её существование безразлично, для которых она попросту не существует. <...> Неповторимость подлинной личности состоит именно в том, что она по-своему открывает нечто новое для всех, лучше других и полнее других выражая “суть” всех других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей, открывая для всех то, чего они ещё не знают, не умеют, не понимают. Её неповторимость не в том, чтобы во что бы то ни стало выпячивать свою индивидуальную особенность, свою “непохожесть” на других, свою “дурную индивидуальность”, а в том, и только в том, что, впервые создавая (открывая) новое всеобщее, она выступает как индивидуально выраженное всеобщее»⁶.

В социальном мире, вне зависимости от мнения кого бы то ни было, существуют не только великомасштабные (согласно Ильенкову – подлинные) личности. Подавляющее большинство личностей обнаруживает себя в этом мире посредством совершения действий и поступков, которые выражают то индивидуально преломлённое всеобщее, которое отнюдь не является объективно новым. Тем не менее, использование понятия о масштабе личности при обсуждении социально-антропологических проблем представляется вполне оправданным и даже необходимым по причине того, что собственно социальные различия между человеческими индивидами являются прежде всего количественными, а потому наиболее явно выражаются в несовпадении именно масштабов их личностей.

«Общество, – как осмелился заявить О. Уайльд, – считает своим правом обрушивать на личность страшные кары, но оно страдает страшнейшим пороком верхоглядства и не ведает, что творит»⁷. Соглашаясь с известным писателем, считаю необходимым отметить, что присущие обществу возможности такого рода не безграничны. Дело в том, что общество обнаруживает личность тогда и только тогда, когда в её актуализируемом социально-ролевом содержании появляются анти- и внеинституциональные элементы, то есть в таких обстоятельствах, когда социальные проявления человеческого индивида перестают отвечать системе норм, организующих жизнь той конкретной этносоциальной общности, к которой этот индивид принадлежит. При этом общество бездумно, механически-безжалостно

⁴ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / – СПб. : Изд-во «Речь», 2003. – С. 85-86.

⁵ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. – М. : Политиздат, 1991. – С. 412. С. 387-414.

⁶ Там же. – С. 412-413.

⁷ Уайльд О. Тюремная исповедь // Избранное. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 379.

табуирует всё то, что находится вне системы писаных и неписаных социальных норм и, соответственно, оперативно и скрупулёзно реализует меры воздействия на личность, предусмотренные практически для всех случаев её обнаружения.

Впрочем, сколь далеко бы ни продвинулось общество в своём аутическом по сути совершенствовании, ему всегда присущ конкретно-исторический предел технологизации процесса унификации индивидов, дегуманизации жизненных реалий большинства людей.

Нет сомнения в том, что человеческая личность являет собой функцию общества. Причём характер их соотношения не зависит от того, насколько конкретное общество ориентировано на выявление и реализацию способностей и потребностей своих членов. Конечно же, становление личности в условиях подлинной демократии, при наличии гражданского общества и правового государства вовсе не тождественно становлению личности в условиях, далеких от демократии, когда политическая самоорганизация общества практически отсутствует, а оно само не контролирует государство и вовсе не стремится к равноправию индивидов и их групп, к справедливому и полноценному удовлетворению их интересов. Тем не менее, при любом стечении жизненных обстоятельств социально-личностная сторона процесса обретения человеком своей целостности есть его приобщение к общественным отношениям, спонтанное, обычно нерелексируемое усвоение их глубинной сути и конкретно-исторической специфики, а также частичное воспроизводство усвоенного в собственном мироотношении и реальном взаимодействии с доступными фрагментами Мира.

«Вся социальная жизнь, – по утверждению Э. Гидденса, весьма точно отражающему реальное положение вещей, – сущностным образом рутинизирована: мы обладаем определённым представлением о тех регулярных способах деятельности, которые мы повторяем изо дня в день и которые формируют наши индивидуальные жизни, равно как и воспроизводят более крупные институты, в которые вносит свой вклад и наше собственное поведение»⁸.

Человек-предмет, интенциональность мироотношения которого сфокусировано на социальных ценностях, едва ли не всецело зависит от общества, от ближнего социального окружения, от социальных процессов, в развёртывание которых он вовлечён, от их непосредственных и опосредованных результатов, причём зависимость эта сродни зависимости раба от хозяина. Индивидуальная система ценностей (как, впрочем, и производные от них ценностные ориентации личности) такого вот раба крайне дисгармонична. Ценности, имеющие наибольший удельный вес в рамках их конкретной системы, могут весьма заметно различаться и по своему характеру, и по масштабу. Более того, в содержании системы ценностей человека-предмета всегда есть некие однозначно доминирующие составляющие, которые настолько важны для индивида в сравнении со всеми иными разделяемыми им ценностями, что конституируемые ими специфические образы действительности прочно заслоняют от него львиную долю жизненных реалий. «Раба природы, – пишет Л. Фейербах, – ослепляет блеск солнца ... между тем раб политический ослепляется блеском царского звания до такой степени, что падает перед ним ниц, как перед божественной силой, от которой зависят жизнь и смерть»⁹.

В рамках социальной действительности человеческая целостность номинально распадается на свои экзистенциальные составляющие и одно из них – личность – становится фундаментом началом для двух оставшихся. Соответственно человеческий организм априори воспринимается людьми-предметами как овеществленное социальное качество индивида, душа же, редуцированная до «психики», оказывается для них естественной «мишенью» и необходимым продуктом социальных воздействий. Люди, целостное естество которых деформировано таким образом, влачат откровенно частичное, квантифицированное существование. Индивидуальные способности и потребности неизбежно подстраиваются под явные и неявные требования того социального целого, частью которого оказывается человеческое существо. Социальное становление есть развёртывающаяся во времени Пиррова победа индивида над своим естеством, торжество человеческой частичности над его целостностью.

Типичный социальный феномен – это социальная мимикрия (термин мой. – И. Б.), то есть откровенное подражание другим (реальным и/или воображаемым) людям, демонстративное, подчас карикатурное воспроизведение действительно присущих или приписываемых им социально одобряемых внешнего облика и поведения. Причём нет никакого сомнения в том, что некоторая часть человеческих существ в любой социальной

⁸ Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

⁹ Фейербах Л. Сущность религии (1845) // Избранные философские произведения: в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 458.

обстановке непременно добьется искомого повышения своего исходного статуса именно за счёт социального мимикрирования. Отмечу, что понимание этого не является прерогативой современных мыслителей-человековедов; соответствующие сведения обнаруживаются во множестве теоретических и литературно-художественных произведений, созданных в разные эпохи. Так, Ж. Лабрюйер, описывающий реалии французского общества XVII века, сообщает, в частности, следующее: «При дворе (то есть там, где социально-ролевая сторона жизни людей реализуется наиболее изощренно. – И. Б.) всегда довольно людей, у которых светскость, учтивость или богатство играют роль ума или способностей. Они умеют войти и выйти, поддержать разговор, не участвуя в нём; понравиться, не сказав ни слова, придать себе важность, храня упорное молчание или время от времени издавая односложные возгласы. Они берут выражением лица, тоном, жестом, улыбкой и похожи на тонкий слой чернозема; копните его на два дюйма вглубь – и вы наткнетесь на бесплодный камень»¹⁰. Да и, в самом деле, что, кроме заведомых смысловых фикций, могут породить человеческие индивиды, социально-личностное начало которых оказывается безусловно доминирующим над всеми иными составляющими их целостного существа?

Впрочем, социальная мимикрия по своей сути не может быть ограничена сутобо утилитарной, практически-действенной, но механически-отвлечённой имитацией соответствия себя актуальному социальному идеалу. С одной стороны, имитационная активность индивида предназначена для создания у окружающих впечатления того, что в его поведении естественным образом выражается подлинное содержание присущего ему мироотношения. С другой стороны, все внешние проявления индивида должны вполне определённо свидетельствовать о его лояльности по отношению к реалиям социокультурной действительности. Поэтому человеку, сосредоточившемуся на достижении социального успеха, свойственна обречённость на постоянное недвусмысленное выражение не своих, а чужих взглядов, не всегда, правда, объективно чуждых ему, но практически во всех случаях заимствованных из сравнительно узкого круга чьих-то получивших известность и социально-ситуативно сакрализованных представлений о многореальном Мире.

Человеческое существо, формирующееся и живущее в условиях непререкаемой власти безличных стандартов, утраты подлинно индивидуальных целей становится, по крайней мере, внешне, более или менее исправной частью, деталью сложившегося социально-технологического механизма. Каждая из этих деталей – людей-предметов – в рамках ассимилировавшего её механизма с автоматизированным прилежанием играет определённые, внешне заданные, стандартизованные социальные роли. Исполняемые индивидами роли, вне зависимости от меры своей банальности, непременно должны быть усвоены, интернализированы ими. Здесь надо, вслед за И. С. Коном, уточнить, что интернализированная роль являет собой «внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям»¹¹.

Содержательное наполнение конкретных социальных ролей и характер их восприятия, переживания, оценивания и реализации отдельными людьми могут различаться весьма существенным образом. Однако, при любом варианте развития событий сосредоточившиеся на исполнении социальных ролей человеческие существа всем своим поведением невольно демонстрируют глубину деформированности собственного мироотношения, возникшей под влиянием совокупности нарушений самоотождествления. В одних случаях при значительной деформации мироотношения возникает синдром «винтика», то есть безоглядный конформизм, в других – синдром «центра Мира», то есть мессианские иллюзии, деятельно реализуемые человеком в любой сколько-нибудь пригодной для этого жизненной ситуации. Иногда как тот, так и другой синдром находят концентрированное выражение в совершении индивидом действий и поступков, которые всецело соответствуют ранее избранной линии поведения, но в связи со своей запредельной, нечеловеческой механистичностью не могут быть сколько-нибудь позитивно восприняты окружающими людьми, чьё мировидение является не только соматическим или спиритоцентрическим, но и даже персонцентрическим.

Исчерпывающим образом социализированный индивид трагически неадекватен процессам, происходящим за пределами его статусно-ролевых контактов с доступными фрагментами социального мира, и он более или менее явно чувствует это, в связи с чем его

¹⁰ Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 191.

¹¹ Кон И.С. Социология личности // Социологическая психология. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЕК», 1999. – С. 73.

обычным состоянием становится фрустрация. Далее, как непереносимое следствие, появляется агрессивность, обычно скрытая, практически не ощущаемая даже самим человеком, изредка – явная для посторонних людей.

Движущей силой процесса социально-личностного становления человека выступает противоречие между присущими ему потребностями к единению с другими людьми и к обособлению от них. Осуществляя себя за счёт адаптации к жизненным реалиям, собственно социальным и социально опосредованным, индивид, несмотря ни на что, не может преодолеть своего человеческого, антиномичного естества.

Думается, что прав был Э. Фромм, ещё в начале второй половины XX века заявивший о тотальной отчужденности своих современников, представителей западной цивилизации от самих себя, от близких людей, от природы. Если с тех пор и произошли какие-то позитивные изменения в жизни человеческих существ, то они не коснулись их хронически отчужденного состояния. Более того, количество социализированных индивидов, страдающих от своей отчужденности, явно не уменьшилось, да и, судя по всему, не могло уменьшиться. Отношения между людьми, как и прежде, являют собой отношения «отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться поближе к стаду и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии. Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, каждый остаётся крайне одиноким, проникнутым глубоким чувством небезопасности, тревоги и вины, которые всегда появляются там, где человеческое одиночество не может быть преодолено»¹².

В социальной сфере своего существования человек действует так, и только так, как его собственное естество может позволить ему действовать в рамках складывающихся обстоятельств. Люди не в силах перестать быть самими собой, а потому они обречены на реализацию взаимоисключающих тенденций своего существования, то есть на непрерывное воспроизводство обсуждаемого противоречия. Это противоречие, тем не менее, вполне реально перестаёт оказывать значительное влияние на жизнь человеческого существа при обретении и сохранении им гармонической целостности. Но если целостность человека не находится в состоянии устойчивой гармонии (а такое состояние крайне маловероятно), то острота рассматриваемого противоречия иллюзорно-компенсаторно снимается в любви, которую он разделяет с другим человеком и, возможно, только в ней.

Конечно же, далеко не всякому индивиду доступно воистину чудесное исчерпывающее сплочение, слияние с единственно пригодным, предназначенным для этого человеческим существом. Тем не менее, человек, при прочих равных условиях, обычно нацелен на обретение любви вне зависимости от того, осознает ли он это и признает ли своей целью её саму и явные и неявные последствия её возникновения и развития.

«Пропасть между индивидом и его недостижимой целью выражается, – согласно А. Адлеру, – в виде комплекса неполноценности»¹³. Этот комплекс проявляется как «чувство собственной неполноценности, которое вызывает стресс, психологические обходные маневры и компенсаторный импульс, направленный к обретению иллюзорного чувства собственного превосходства»¹⁴. Признавая, что мучительного чувства такого рода вряд ли дано избежать кому бы то ни было, и что магистральный путь «ухода» от него является иллюзорно-компенсаторным, рискну, однако, заявить, что некоторые, редко, правда, встречающиеся индивиды вовсе не склонны искать успокоения в иллюзиях. Тем не менее, подавляющее большинство представителей человечества обычно внутренне вполне готовы исполнить именно ту социальную роль, которая наиболее выигрышна в данный момент их социально-личностного существования. Чем основательнее будет социальная детерминированность человеческого существа, тем его, вероятно, серьёзнее станут беспокоить свои слабости, подлинные или мнимые. И чем это одолевающее его неприятное чувство окажется острее, тем в большей мере стремление индивида добиться реального превосходства над своим окружением сольется с его стремлением как можно явственней продемонстрировать, что вожделенное превосходство имеется в наличии.

Вне зависимости от специфики протекания процесса становления человека как природно-социально-духовной целостности, развитию каких-либо составляющих его способностей с той или иной мерой легитимности и эффективности препятствуют многообразные социальные реалии. При этом какие-то другие составляющие его способностей, стимулируемые теми же самыми и иными социальными реалиями, усиленно развиваются. Дело в том, что всякое общество склонно формировать и поддерживать

¹² Фромм Э. Искусство любви. – Минск : ТПЦ «Полифакт», 1991. – С. 51-52.

¹³ Адлер А. Понять природу человека. – СПб. : «Академический проект», 1997. – С. 192.

¹⁴ Там же. – С. 248.

стремление индивида удовлетворять свои разнообразные потребности так, чтобы ни в коем случае не вызывать негативной реакции у окружающих. Человек же, практически неизбежно будучи социализированным существом, почти всегда оказывается склонным к конформизму; он как должное (или почти как должное) воспринимает воздействия своего социального окружения, позитивно и/или негативно регламентирующие развитие его способностей и удовлетворение потребностей. Так, едва ли не все члены любого общества подстраивают собственные жизненные проявления под бытующие социальные нормы, непрерывно и скрупулёзно сверяя уровень сформированности своих и чужих способностей и потребностей с тем уровнем, который задан им как «нормальный». Очевидно, что реальные уровни развития способностей и потребностей индивида и он сам, и окружающие его люди могут оценить как более или менее высокие или низкие в сравнении с теми, которые всецело соответствовали бы писаным и неписаным нормам, действующим в пределах родной для них этносоциальной общности. Причем данная оценка обычно становится оценкой самого целостного человеческого существа с вытекающими отсюда социальными последствиями. Надо полагать, что именно данное обстоятельство играет решающую роль в том, что человеческая жизнь в подавляющем большинстве случаев оказывается отягощенной комплексами неполноценности.

Завершая данную статью, хочу особо подчеркнуть наличие четкой одно-однозначной связи между человеком как становящимся целостным существом и присущими ему способностями и потребностями. Совокупность многообразных институированных и неинституированных, персонифицированных и анонимных влияний общества на человека интегрируется в векторе его социального становления, в специфике его формирующейся личности. Именно эти влияния, прежде всего, определяют и корректируют общую направленность личности и содержание её ценностных ориентаций. Полагаю, что осуществление человека как личности относится к онтогенетически главенствующим факторам развития его способностей и потребностей. Соответствие содержания комплекса способностей и потребностей человека социальным реалиям достигается регулированием процессов их формирования и трансформации посредством установления приоритетности одних и табуирования реализации других их составляющих. Специфика социально-личностных способностей и потребностей, в свою очередь, играет весьма важную роль в становлении целостности человека. Именно способности и потребности, определяющие и отражающие своеобразие процесса осуществления человека в его личностной ипостаси, зачастую оказываются субъективно наиболее важными, ценными для него самого, для людей, входящих в его непосредственное окружение и для общества в целом. Формируясь и развиваясь, они существенно влияют на те сопряженные с ними способности и потребности, которые по своей сути являются природно-органическими и духовно-душевными.

Список литературы

1. Адлер А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб. : «Академический проект», 1997. – 256 с.
2. Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 2 (96), февраль. – С. 24-30.
3. Беляев И.А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1 (95), январь. – С. 9-13.
4. Беляев И.А. Становление способностей в контексте человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 1999. – № 3. – С. 24-28.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
6. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – С. 387-414.
7. Кон И.С. Социология личности // Социологическая психология / И.С. Кон. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЕК», 1999. – С. 58-189.
8. Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. Лабрюйер // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 45-395.

9. Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь / Г. Марсель. – Новочеркасск : Агентство САГУНА, 1994. – С. 9-131.
10. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – СПб. : Изд-во «Речь», 2003. – 296 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 10 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – Т. VIII. – С. 3-314.
12. Уайльд О. Тюремная исповедь // Избранное / О. Уайльд. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 327-426.
13. Фейербах Л. Сущность религии (1845) // Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 421-489.
14. Фромм Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Минск : ТПЦ «Полифакт», 1991. – 80 с.

A MAN, HIS ABILITIES AND NEEDS IN SOCIAL AND PERSONAL DIMENSION

I.A. BELYAEV

Orenburg State University

e-mail: igorbelyaev@list.ru

The article is dedicated to consideration of an integrity human being and its inherent abilities and needs in social and personal dimension. The author presents his view of personality as of that hypostasis, in which a person is realized in the society, of the general nature of social influences experienced by him, the connection between the peculiarities of its integrity with inherent abilities and needs.

Key words: man, integrity, abilities, needs, society, personality, social mimicry, social and personal dimension.